

Промышленный экспорт. Итоги и перспективы. Иностраннный отдел ВСНХ СССР. ГИЗ, 1928, стр. 230. Цена 1 руб. Редакция С. И. Аралова и А. С. Шатхана. Предисловие В. В. Куйбышева.

Несмотря на то, что проблемы внешней торговли имеют громадное значение для экономики СССР, разработка и освещение их в нашей печати крайне недостаточны. Наша литература по внешней торговле, вообще весьма ограниченная, особенно страдает тем, что в ней отсутствует углубленный анализ основных вопросов внешней торговли во всем их объеме. Этот пробел с большим успехом заполняется рецензируемой книгой, посвященной тщательному рассмотрению проблемы промышленного экспорта. В своем предисловии тов. В. В. Куйбышев определяет не только эту роль, но и то влияние, которое имеет расширение промэкспорта, как фактор развития промышленности, на общий рост экспорта: „Потребность в росте экспорта прямым образом отражает собой расширяющиеся потребности промышленности в импорте необходимого сырья, полуфабрикатов и оборудования. Являясь основной статьёй нашего баланса, экспорт служит определяющим лимитом для импорта. Поэтому удовлетворению растущей нужды в импорте мы должны противопоставить чрезвычайные условия по ускорению темпа развития экспорта... Роль и значение промышленности в экспорте не ограничиваются, конечно, удельным весом промэкспорта в общем вывозе Союза. Развивающаяся промышленность не только увеличивает экспортные ресурсы промтоваров, но и путем насыщения промтоварами внутреннего рынка, путем снижения цен решительно развивает товарность сельского хозяйства, заставляет его выбрасывать для внутреннего и внешнего рынков все большие массы с.-х. продукции“ ...

Эта сжатая, но достаточно полная характеристика значения промэкспорта вызывает у самого тов. Куйбышева указание на то, что, несмотря на достигнутые успехи в области развития промэкспорта, его объем и номенклатура остаются пока весьма недостаточными и выдвигают задачу всемерного расширения промэкспорта и упрочения и развития его базы. Такая постановка вопроса должна быть признана бесспорной, поскольку экспорт в целом является основой нашего платежного баланса, а сельскохозяйственная часть экспорта подвержена ряду таких колебаний, которые совершенно не влияют на промышленный экспорт. В связи с этим приобретает особый интерес указание на ограниченность номенклатуры нашего экспорта, в котором 82⁰/₁₀₀ составляются из вывоза шести товаров: нефтепродуктов, лесоматериалов, сахара, руды, жмыхов и тканей.

Между тем, книга дает анализ возможности расширения экспорта за счет целого ряда товаров, в отношении одних из которых требуются сложные мероприятия и крупные затраты, и других — некоторая организация в деле производства и вывоза и небольшие затраты (лес, сахар, озокерит, самоцветы, лен, электроизделия).

По подавляющему большинству указанных товаров мы уже теперь имеем экспорт, но он имеет или ничтожный объем или случайный характер. Книга правильно ставит вопрос о том, что экспорт по всей приведенной номенклатуре, — доведенный хотя бы до средних размеров, допускаемых нашими ресурсами и возможностями и емкостью внешних

рынков, — создал бы очень широкую и весьма устойчивую базу дальнейше- го ускоренного развития промышленности и всего народного хозяйства Союза. Для этой цели выдвигаются следующие мероприятия: повышение техники производства и качества товара, снижение себестоимости, установление стандартов, обеспечение производства сырьем, сохранение системы премиривания нерентабельного экспорта, выделение компенсационного импорта, расширение сети рынков сбыта и углубление работы на каждом из них.

Лишь в последнее время промышленность принимает энергичные меры к организации экспортных отраслей и, несомненно, результаты не замедлят сказаться. В дальнейшем внимание промышленности к экспортным отраслям должно быть особенно усилено, при чем, как отмечает книга, „дальнейший рост экспорта и конкурентоспособность на внешних рынках требуют специального переустройства и нового строительства предприятий, рассчитанных на внешний сбыт... Очевидно, что вступив на путь общей реконструкции нашей промышленности, мы должны принять во внимание и специальные требования, предъявляемые условиями развития экспорта Союза“. При этом книга выдвигает проблему транспорта для экспортных грузов, приближения производства к морским границам, районирования экспортной промышленности, поднятия организационных форм экспорта и приспособления их к мировому рынку. В частности, хотя и очень вскользь, оттенен весьма важный момент обострения конкуренции на внешнем рынке по мере усиления нашего экспорта, обострения, которое специфически обуславливается существованием крупных капиталистических объединений и трестов, монополизировавших отдельные рынки и отрасли мировой торговли. Однако, этому вопросу, как и вообще анализу и динамике мирового рынка, в книге уделено слишком мало внимания.

Переходя к рассмотрению экспорта отдельных товаров, необходимо отметить, что подробный анализ дан лишь по немногим товарам. Книга уделяет серьезное внимание вопросам лесного экспорта, констатирует его рост, одновременно устанавливает недостаточное его развитие в сравнении с нашими возможностями. Анализируя трудности, стоящие на пути нашего лесоэкспорта, книга отмечает проблемы транспорта, рабочих рук, механизации заготовок, реконструкции существующих заводов и строительства новых, использования отходов, удешевления себестоимости, повышения качества лесоматериалов и т. д. Подытоживая совокупность подсчетов, данных и соображений о возможности дальнейшего развития нашего лесоэкспорта, книга приходит к весьма оптимистическим выводам. К тому же, но с выявлением больших трудностей, приводит раздел, касающийся нефтепродуктов. Здесь особенное ударение делается на вопросах транспортного и заводского строительства, расширения экспортного ассортимента, организации внутреннего потребления и экспорта, внешнеторгового аппарата, конкуренции, охвата рынков. Колоссальный рост мирового нефтяного потребления, грандиозность наших ресурсов и их ограниченность в других вывозных странах, развитие нашей нефтепромышленности, — все это обещает для советской нефти блестящие перспективы на мировом рынке.

В целом книга охватывает промэкспорт с максимально-возможной полнотой, подвергая рассмотрению проблему его перспективности развития на базе анализа и учета уже пройденного пути, уже имеющихся достижений. Ценность книги повышается благодаря тому исчерпывающему комплексу таблиц по экспорту, который приложен к ней. Качество книги позволяет рекомендовать ее всем, интересующимся данным вопросом, как одной из основных проблем нашего народного хозяйства.

Следует особенно приветствовать то обстоятельство, что книга исходит из ИНО ВСНХ СССР — учреждения, наиболее компетентного в вопросах промэкспорта. Книга выпущена по очень низкой цене. Не первая ли это ласточка у КИЗа в отношении настоящего снижения цен на книги?

Л. Хейфец

В. И. Фролов. Экономика нефтяного хозяйства. С пред. проф. И. М. Губкина. Изд. Сов. Нефт. Пром. 1928 г., 389 стр., ц. 3 р. 50 к. Рецензируемая книга является попыткой построения курса нефтяной экономики.

Такая задача возлагает на книгу и особую ответственность за все содержание ее и, прежде всего, за ее идеологическую установку и методологические качества. Уже в своем предисловии проф. И. М. Губкин отмечает, что автором „не показано, как нефтяная промышленность СССР превращается из части капиталистической народнохозяйственной системы в часть социалистическую“ и что в книге „имеется ряд положений, которые находятся в неустраиваемом противоречии с экономической теорией революционного марксизма“. Замечания эти достаточно справедливы, но, в сущности, весь дальнейший анализ „установки“ автора, даваемый И. М. Губкиным, направлен против одной характерной черты книги, не лишенной оттенка недоразумения: автор книги, с одной стороны, разграничивает нэп и капиталистическое хозяйство и, по справедливому замечанию И. М. Губкина, некритически переносит политико-экономические термины капиталистического хозяйства в эпоху нэпа и даже в социалистическое будущее, а с другой — В. И. Фролов столь „всерьез и надого“ приемлет нэп, что не видит его исчезновения, не видит за ним живого, динамического, а не только абстрактно-теоретического рождения социализма.

Любопытно, что сам В. И. Фролов в этой книге явно хочет быть марксистом. Увы, это ему слишком плохо удается, и не только в том объеме, какой отмечен в предисловии И. М. Губкина. Но что, например, сказать о таком изображении будущего общества: „рынка при социалистическом строе не будет“ (стр. 16), но обмен и обезвреженные деньги останутся: „многообразное при капиталистическом строе значение денег исчезнет, за ними останутся только значение меновых знаков (курсив наш. А. С.). В связи с деньгами исчезнет (так все же деньги исчезнут или нет? — А. С.) и понятие кредита по той же причине, по которой должен исчезнуть процент на капитал“ (стр. 17). Процент на капитал исчезнет, но сам капитал останется, и прибыль — тоже останется; цена сохранится, но плановая, и т. п. Однако, дело не только в этой путанице терминов и понятий: разноречивой и случайной в подходе к различным экономическим темам, разрозненности их, вся компоновка курса, методика решения отдельных вопросов, формулировка и изложение экономических законов и процессов не оставляют никакого сомнения в том, что „марксизм“ В. И. Фролова — сам по себе, а нефтяное хозяйство, — само по себе.

Но ведь экономика даже нефтяного хозяйства — общественная наука, о чем, впрочем, В. И. Фролов даже не заикается. В качестве таковой она требует и точного определения и строгого политико-экономического мировоззрения. Совершенно справедливо, конечно, И. М. Губкин не удовлетворен даваемым автором определением экономики вообще: „экономика определяет что производить, техника же решает, как это

производить. Экономика предшествует технике" (стр. XI предисловия). Действительно, в этом определении элемент истины (намеки на противопоставление общественного характера экономики материальному содержанию техники) ограничен и вульгаризирован до крайности.¹ Но если „установка“ автора, вопреки неудавшейся попытке, не марксистская, то спрашивается, какая же установка у него имеется. Оказывается — никакая или, вернее, „всякая“. Построение новой науки — ответственной задаче — сам В. И. Фролов обуславливает такими „научными“ перлами:

„Истина, как всегда, находится где-то посередине и установить ее чрезвычайно трудно“ (стр. 3); „в толковании политико-экономических понятий и приложении их к нефтяному делу нет ничего общепризнанного, и задача этой части курса — дать не готовое решение экономических вопросов нефтепромышленности, а лишь поставить эти вопросы, точнее — некоторые из них, и возбудить к ним интерес“ (стр. 6). Еще лучше: „в курсе экономики нефтяного хозяйства приходится довольствоваться сообщением фактов и попытками осветить и координировать их“ и, наконец, шедевр: „цель курса была бы достигнута даже в том случае, если бы слушатели по всем решительно вопросам, трактуемым в этом курсе, пришли к диаметрально противоположным решениям, чем излагаемым в курсе“ (стр. 6). Это даже не эклектизм, а какое-то принципиальное признание беспомощности экономической науки вообще, — разумеется, далеко несоответствующее действительности. Но содержание книги достаточно осуществляет эту принципиальную „бесприщипность“.

Первые две главы носят по существу вступительный характер: гл. I — о значении нефти (что совершенно не соответствует ее ответственному заглавию „Значение и отличительные свойства нефтяной промышленности“) и гл. II — „Политическая экономия нэпа и социалистического общества“ на трех „ярких“ страницах. В гл. III — „Капитал“ — под этим общим заглавием объединены столь различные экономические темы, как вопросы амортизации и „централизация капитала в нефтяной промышленности“; при этом диспропорция в изложении прямо чудовищная: около 100 страниц (четверть книги!) посвящены амортизации основного капитала, что, разумеется, вовсе не соответствует ни важности, ни объему темы; наоборот, важнейшему вопросу о концентрации капитала и производства в нефтяной промышленности отведено 6 стр. Длинное, невыносимо-тягучее изложение амортизационного вопроса хоронит основное ядро темы — присутствие нефтяному делу особенности амортизационного процесса — под второстепенными техническими деталями и приемами (кстати сказать, почти не практикующимися на деле) и отголосками уже забытых ведомственных споров об амортизации. Правда, для учащихся методика трактовки и решения вопросов и должна быть самой важной частью книги. Но как-раз в этом отношении рецензируемая книга более всего хромает. Например, путем цифровых иллюстраций автор доказывает, что из трех методов амортизации только один является правильным, именно тот, который принимает износ скважины пропорциональным нефтеотдаче. Мы также симпатизируем этому способу амортизации, но чрезвычайно пространное (от 21 по 32 стр.) доказательство автора не имеет никакой цены, представляя лишь образец того логического порока, какой известен под именем *petitio principii*: незаметно для себя, но явно для внимательного читателя, автор привносит искомый момент, как предпосылку, т.е. исходит из того,

¹ Определение горной экономики дано нами в гл. I упомянутых „Бесед по горной экономике“.

что хочет доказать. Другой пример: предлагая изображать кривые дебета скважин формулой $q = \frac{A}{t+k}$ (где q — дебет, t — время), В. И.

Фролов утверждает, что „построение кривых отдельных скважин возможно лишь в том случае, если имеется не менее трех точек“ (стр. 38); между тем, формула имеет два параметра (A и k) следовательно, теоретически кривая вполне определяется двумя точками, т.е. минимумом эмпирических наблюдений — две даты, а не три. Или же: допуская уменьшение дебета скважин на 20⁰/₀, В. И. Фролов компенсирует такое повышение потребности бурения также на 20⁰/₀, в то время как оно в действительности должно быть 100:80, т.е. на 25⁰/₀, и вводить надо множитель 1,25, а не 1,2 (стр. 22). Расчет капитализации ренты на стр. 133 арифметически неправилен. Такие „мелочи“ для учащейся аудитории — серьезные дефекты.

Но еще серьезнее в данном случае ошибки экономического мышления, вытекающие из отсутствия единого метода анализа. Например, В. И. Фролов хочет оценить имущество старой скважины, глубину в 650 метров, когда-то исчерпавшей поочередно нефть нескольких пластов, в предположении, что ее еще раз можно углубить на 10 метров на новый пласт. Он приравнивает тогда старую скважину к новой, т.е. ценит ее так, как если бы ее действительно пришлось бурить всю заново, — считая, что нет экономической разницы между старой и возможной новой (стр. 63). Допустим, что действительно конъюнктура позволила бы в настоящее время эксплуатировать новую скважину в 660 м, специально проведенную на данный пласт. Тогда можно и приравнять „ценность“ старой углубленной и „ценность“ новой скважин, но это будет равенство их как предприятий, а не как элементов основного капитала (капиталистического имущества), и можно показать, что в оценку старой скважины вносится таким путем капитализированная дифференциальная рента, как результат ее хронологического приоритета и физического расположения по отношению к новому, близкому к ней и еще девственному участку недр. По В. И. Фролову же ценность основного капитала, исчезнув по мере исчерпания пласта, вновь возрождается из ничего, при намерении углубить скважину еще раз, при чем это чудесное явление происходит только в том случае, если скважина меняет своего хозяина (стр. 77 и 78). Между тем, применение марксистского метода может дать здесь простое, лишенное противоречий и чудес объяснение явления и решение практических задач.¹

Теперь о „централизации капитала“. Тщетно было бы искать у В. И. Фролова указаний на причины, способы и последствия образования монополий на их размеры, на мировые „нити“, на роль торгового и финансового капитала, на связь между концентрацией капитала и его строением, на роль рынка, на роль географического распределения нефтяных залежей. Почти не упоминается о таком грандиозном процессе, как вторжение иностранного, империалистического по существу капитала в русскую нефтепромышленность в 1912—14 гг. Вся экономика заменена немногими статистическими справочными цифрами.

Зато много внимания уделено автором доказательствам несправедливости обвинения бакинских нефтепромышленников в образовании синдиката и искусственном взвинчивании цен на нефтепродукты. Мы также думаем, что синдиката в Баку не было; но вряд ли это и нужно было — и без

¹ Общая формула такого решения дана нами в „Беседах по горной экономике“, стр. 170.

него господство крупного капитала и степень его концентрации обеспечивали огромное влияние на нефтяную политику и цены, особенно путем поведения крупнейших фирм при торгах на новые казенные участки. Это и понятно, раз (как признает автор) 46% добычи было в руках 8 фирм, а перед войной уже 52% добычи было сосредоточено (негласно) в руках только трех монопольных объединений. И если после этого автор все же говорит, что „нефтепромышленники в количестве 168 фирм коммуны (т.е. синдиката А. С.) собой далеко не представляли“, то от этой ироничной фразы, по выражению А. Франса, „вовсе не пахнет благочестием“.

В гл. IV—„Рента в нефтяной промышленности“—мы тщетно искали освещения тех любопытных особенностей в распределении дохода, какими отличается эта промышленность.

В гл. V—„О труде“—даются два противоречивых определения понятия производительности труда: „Производительность труда есть количество продуктов, получающихся в результате труда на одного рабочего в единицу времени“ (стр. 176) и: „Производительность труда есть частное от деления стоимости чистой продукции на число рабочих“. Оба определения не только резко различны между собой, но и неверны. В первом автор смешивает производительность труда с практическим приемом оценки ее по продуктивности или „выработке“ на рабочего, при чем главная ошибка автора в том, что он смело идет на сравнение различных отраслей производства между собой, оценивая их продукции по рыночным ценам. Правда, он предлагает эти цены „устанавливать не произвольно, а в соответствии себестоимости товаров“ (стр. 139), но что это значит—совершенно не объяснено; однако, это не значит „по себестоимости“, так как автор ссылается на прибавочную стоимость и в своем примере (стр. 139) получает при затрате в 100 руб. продукцию в 150 руб. на ситце и в 160 руб. на нефти. Второе определение еще менее состоятельно, поскольку учет чистой продукции предлагается не по какому-либо теоретическому определению „меновой ценности“ продукта и издержек производства, а по рыночным ценам. Игра же цен здесь такова, что, напр., по нашему расчету доля рабочего в чистой продукции и была в довоенное время в нефтепромышленности только 10—20%, а в Донбассе, при более низкой заработной плате, все же 50—60%; и для 1925/26 г. мы определили эту долю в 40% по Баку, но в 90%—по Донуглю! Представим себе, что в нашем планевом хозяйстве понижены цены на уголь и кокс, но сохранены на металл; по В. И. Фролову, от этого сейчас же резко понизится производительность труда в угольной и повысится в металлической промышленности. В действительности, разумеется, от этого производительность труда ничуть не изменится ни там, ни здесь.

Путаница—и в вопросе о строении цены и себестоимости. Так, в гл. III автор выделяет в цене „восстановительное начисление“, как элемент, который каким-то чудом не входит ни в себестоимость, ни в прибыль (стр. 79); в гл. VI в себестоимости, без каких-либо оговорок, включается рента—не как фактическая арендная плата, а как „реализующееся на рынке явление“ (стр. 192).

Акцизу дано такое определение (стр. 205): „акциз является одной из худшей форм косвенного налога“,—и никакой попытки раскрыть по крайней мере социальный смысл и фискальные удобства этой „худшей формы“, а также эволюцию ее в советских условиях, когда, вследствие относительной нивелировки достатка, значительно смягчилась социальное неравенство тяжести косвенного обложения, а соотношение кероси-

новых и хлебных цен, кстати сказать, изменилось в пользу крестьянства сравнительно с довоенным временем.

Обосновывая пользу новых нефтепроводов, В. И. Фролов ссылается, как на исчерпывающие аргументы, на дешевизну этого вида транспорта, например, С.-А. С. Ш., не подозревая, что, во-первых, вопрос об экономике трубопроводов и способах их рационального использования в СССР значительно сложнее, чем это кажется с первого взгляда, так как он связан с своеобразием географического расположения наших нефтерестов по отношению к рынкам и традиционным районированием нефтепереработки, во-вторых, что в этом отношении имеются глубокие различия у СССР и у С.-А. С. Ш. и, в-третьих, речь идет о таком изменении транспорта, какой связан с изменением характера переработки нефти и изменением рыночных связей.

Совершенно прав И. М. Губкин в своем предисловии, указывая на огромный жизненный опыт В. И. Фролова и на то, что „часть своего опыта В. И. Фролов передает в этой книге“: лучшая часть книги—это главы VIII—XIV, под разными названиями заполненные обильным описательным, историческим, статистическим и справочным материалом. Кое в чем этот материал не точен (напр., неверна оценка нефтяных имуществ в гл. III, не критически даны некоторые нормы амортизации); кроме того, он излишне загроможден второстепенными и преходящими подробностями; но все же здесь читатель при нужде найдет много ценного справочного материала. Разумеется, все это отнюдь не делает книгу „экономикой“, в лучшем случае это только—„сырье“ для построения экономики. В качестве же „экономики“, а тем более курса для вуза, книга, на наш взгляд, не годится.

А. Сегаль

Д. П. Фридман. Электротехническая промышленность, как фактор мировой экономики, ГИЗ. 1928 г., стр. 127, цена 1 р. 25 к.

Быстрый рост электрификации и применения электричества для многих разнообразных целей открывает перед электротехнической промышленностью огромнейшие возможности. Удельный вес электротехнической промышленности в промышленной продукции мира и отдельных стран повышается с каждым годом. Этому способствует то, что „техника в своем постоянном устремлении вперед все время расширяла и расширяет: а) пределы мощности отдельных машин и приборов; б) пределы экономической целесообразности передачи электрической энергии от электростанции; в) способы использования электрического тока для различных целей“. Автор считает, что не так уже далеко от истины идея (которая рассматривалась как утопия) невыгодности „транспорта топлива по иным путям, кроме как по электрическим проводам с предварительным превращением тепловой энергии топлива в электрическую“.

Действительно, за последние два десятка лет электротехническая промышленность сделала колоссальные успехи. Достаточно привести следующие данные, чтобы убедиться в этом: в 1924 году в С.-А. С. Ш. (в электрическое хозяйство С.-А. С. Ш. вложен капитал в 20 млрд. долл., т.е. половина инвестиций в электрическом хозяйстве всего мира; С.-А. С. Ш. дают половину продукции электропромышленности всего мира; данные относятся к 1925 году) были электрифицированы: 1) сталелитейная промышленность на 54%; 2) текстильная на 56%; 3) пищевая и химическая на 60%; 4) машиностроительная на

81⁰/₆₅; 5) резиновая на 80⁰/₆₅; 6) металлообрабатывающая на 81⁰/₆₅; 7) промышленность, изготовляющая средства транспорта, на 87⁰/₆₅. К этому надо прибавить необыкновенный рост применения электрической энергии в домашнем быту.

По заявлению представителя германской „Всеобщей компании электричества“ (АГЕ) на годовичном собрании акционеров—чуть ли не каждый крестьянин в Коста-Рико варит при помощи электричества.

Однако, несмотря на весьма широкие возможности сбыта, развитие электротехнической промышленности должно преодолеть такие же препятствия, как и все производительные силы мира при капитализме и империализме. Для развития электротехнической промышленности капиталистический способ производства является еще более ощутимым препятствием, в виду специфичности этой отрасли промышленности. Продукция электропромышленности может быть применена для задач, «решение которых выводит далеко за пределы стран и даже континентов».

О том, какие уже в настоящее время имеются для этого возможности, можно судить по следующим фактам. В Германии сооружается линия для соединения Южно-Германской области, имеющей запасы водных сил, с Рейнским бурогольным районом. При напряжении передачи в 380 тыс. вольт можно передавать на расстояние от 500—1000 квт. энергию мощности от нескольких сот тысяч до миллиона киловатт. Делается возможным, таким образом, международное соединение гидроэлектрических и паровых станций... Уже сейчас существует обмен энергии между Канадой и Соед. Штатами, между Германией и Швейцарией, а также между Швейцарией и Францией.

Более быстрому осуществлению таких грандиозных возможностей препятствуют территориальные границы и империалистическая экспансия тех левиафанов от электротехнической индустрии, которые занимают господствующее положение на мировом рынке электропромышленности. Четыре крупнейших концерна в мире—два германских и два американских борются за преобладающее место; АГЕ и „Сименс“ в Германии контролируют ³/₄ германской электротехнической промышленности; „Всеобщая электрическая компания“ и „Электрическая и промышленная компания“ (Вестингауз) контролируют около ¹/₃ американской электротехнической промышленности. Соотношение между этими концернами если имеет место, то только в отношении техники: стандартизации производства, распределения тех рынков, в которых та или другая компания уже заняла крупное место. К тому же электрическая промышленность, наиболее молодая, имеет еще перед собой огромнейшие рынки. Мировая электротехническая промышленность исчерпала рынок в части электроснабжения на ³⁰/₁₀₀, в части электрификации промышленности на ⁵⁰/₁₀₀, в части электрификации химических и металлургических производств на ⁵/₁₀₀, сельского хозяйства на ⁵/₁₀₀, для потребностей домашнего быта на ⁴/₁₀₀ и связи на ⁴⁰/₁₀₀. Исключительную роль играет американская электротехническая промышленность. Американский капитал захватывает постепенно электрохозяйство Европы как путем экспорта изделий своей электротехнической промышленности, так и путем скупки акций и финансирования крупнейших электропредприятий Европы.

Автор дал своей работе заголовок: „Электротехническая промышленность, как фактор мировой экономики“, так как роль ее, как мы видели из приведенных цифр, все возрастает с каждым годом. Однако, Д. Фридман не отделил в достаточной степени те особенности, которые присущи электротехнической промышленности sui generis, как фактору экономики. Отмечая империалистические тенденции крупнейших концернов электротехнической промышленности, автор не указал на то, что борьба идет

не только за рынки сбыта, но и за рынки сырья. 40⁰/₁₀₀ сырья, употребляемого в электротехнической промышленности, составляет медь. Борьба за этот вид сырья, несомненно, также играет не малую роль во взаимоотношениях концернов между собой. Кроме того, к обычным методам империалистической экспансии надо еще прибавить то, что при росте технических возможностей передачи электроэнергии на далекие расстояния прибавляется новый, более сильный метод империалистической экспансии: не только финансовый контроль, но и полная производственная зависимость, в отношении энергии от наиболее крупных электрических компаний, держащих в своих руках наиболее мощные электротехнические центры. Зависимость одной страны от другой в данном случае становится более неприкрытой, более оголенной. Вот этот новый метод империалистической экспансии и является наиболее характерной чертой, присущей электротехнической промышленности.

Близка к осуществлению та часть предсказания Энгельса, где он говорит: „...Новейшее открытие Дрепе, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханное до сих пор расстояние и быть примененными на конечном пункте...—окончательно освободив промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже в начале этим воспользуются только города, в конце концов, оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней“ (письмо Энгельса к Бернштейну от 27 февраля 1883 г.).

Но не менее близка к осуществлению и другая часть предсказания Энгельса: „Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно“ (там же).

Только социалистически-организованное производство может обеспечить тот грандиозный размах производительных сил города и деревни, который соответствует прогрессу техники.

В книге Фридмана имеется ряд интересных цифр об американской, германской, французской и английской электропромышленности. Также и по СССР имеются некоторые данные, корректирующие цифры доклада Ляммера, сделанного им по поручению Центрального союза германской электротехнической промышленности и напечатанного в книге Фридмана (книжка Фридмана состоит из его статьи и весьма ценного доклада Ляммера).¹

В общем, хорошо систематизированном, цифровом материале, Ляммер дает сведения по электроснабжению, электрификации железных дорог, об экспорте и импорте электроизделий крупнейших потребителей мира; кроме того, даны в обширной таблице сведения о числе и размере таможенных ставок на электроизделия по крупным потребителям.

Электропромышленность СССР занимает только седьмое место. Несмотря на бурный рост ее за последние годы, нужно еще много усилия и внимания уделить этой важнейшей отрасли народного хозяйства, которой такое значение придавал Ленин, чтобы еще больше поднять ее. О том, сколько можно сделать, как более рационально распределить средства по капитальному строительству и рационализировать производство, прекрасно показывает тов. Максимов в своей статье от 20 июля 1928 г. в „Торгово-Промышленной газете“: „Электротехническая промышленность Америки“.

¹ Не понятно только, почему имя Ляммера не значится на титульном листе.

Небольшая книжка тов. Фридмана, дающая сведения об электротехнической промышленности всего мира и важнейших стран, представляет значительный интерес как для хозяйственников, так и для экономистов, поэтому считаем своим долгом рекомендовать ее вниманию читателей.

М. Г.—ч

Производительные силы Нижегородской губернии. Выпуск VIII. Труды III губернской конференции, Н. Новгород 1928 г. стр. 340, ц. 4 руб.

Издания ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии успели уже приобрести своей научной постановкой и основательностью прочную репутацию.

Настоящий выпуск, представляющий собою собрание докладов, заслушанных на III конференции по изучению производительных сил, отличается от большинства предыдущих выпусков большим разнообразием своего содержания. В нем имеется 4 работы по изучению почв и растительности, 3 работы по вопросам строительства путей сообщения водных и железнодорожных, 2 работы по конкретным вопросам промышленного строительства, 3 работы экономического характера, посвященные общим вопросам нового строительства и, наконец, еще 2 работы, стоящие особняком — об изучении наименьшинств и о Нижегородской радиолaborатории.

Таким образом, большинство работ (8 из 14) так или иначе посвящены вопросам нового строительства; в этом именно и заключается характерная черта последнего выпуска, выгодно отличающая его от предыдущих выпусков.

Из более крупных работ, имеющих общенаучный интерес, можно указать следующие: проф. Жуковского, Н. Н. — „Гидрологическая система регулирования рек и перспективы ее применения“, Писнячского, А. А. — „Опыт характеристики Нижегородской губернии с точки зрения сельскохозяйственной энтомологии и фитопатологии“ и Горбачева, А. М. — „К проблеме реконструкции кустарных промыслов в связи с электрификацией промысловых районов от Балахны“.

Каждая из них на местном конкретном материале ставит вопросы, имеющие и большой научный интерес и колоссальное практическое значение. Глубина проработки местного материала не только не уменьшает, но увеличивает общую методологическую ценность этих работ. Интересен с информационной стороны доклад инженера И. Б. Беленького „О перспективах нового промышленного строительства в Нижегородской губернии“, сопровождающийся „Проектом основных показателей народного хозяйства Нижегородской губернии на 1926—40 годы“.

Следует отметить также работу проф. Н. Романова, „Геологические предпосылки для постройки большого стекольного завода на Мохвых горах у Н. Новгорода“ и работу А. П. Самсонова, „Клинкер и его применение на дорогах Нижегородской губ.“.

Остальные работы представляют уже значительно меньший интерес, а некоторые из них можно было бы, пожалуй, и вовсе не печатать. Редакции сборника следовало бы порекомендовать большую жесткость не только в отборе статей, но и в обработке статей, годных для печати. В сборнике научного типа следовало бы сжимать до последней степени или даже выпускать вовсе всякого рода „общие места“, которым место в учебниках или энциклопедиях. Таковы, например, рассуждения о пользе и преимуществах водных путей в статье К. К. Гагена (стр. 73—77),

значительная часть статьи Самсонова, которая, будучи посвящена конкретному вопросу о постройке клинкерного завода, местами переходит в энциклопедию клинкерного дела; то же замечается в статье С. К. Степанова о „Капиталонакоплении по Союзу и по губернии“, в которой из 18 страниц на губернию приходится всего 3.

Местами оставляет желать много лучшего и самый стиль изложения. Но все это, конечно, мелочи, и отмечать их приходится лишь в интересах внешней отделки превосходного по содержанию и практически весьма ценного издания.

По существу же самого направления работ Нижегородской ассоциации, поскольку они успели отразиться в ее изданиях, нам хотелось бы высказать лишь одно замечание. Ассоциацией сделано очень много для научного изучения губернии в самых различных отношениях и климатическом, и почвенно-растительном, и геологическом, и транспортном, но все печатавшиеся до сих пор работы касались каждая только одного какого-либо элемента природы или отрасли экономики и ни одна работа не подходила к изучению губернии синтетическим, ни одна работа не ставила географических вопросов о районировании, о размещении типов хозяйства, о связях между хозяйством и природой и т. д., и т. п. Таким образом, материалов для географии Нижегородской губернии ассоциация дала уже весьма много (особенно по линии физической географии), но к самой географии, как к таковой, она еще не приступила.

Нам думается, что без синтетического, географического подхода изучение производительных сил губернии, составляющее цель ассоциации, не может быть завершено. Поэтому приходится настойчиво пожелать ассоциации перейти от изучения отдельных элементов к изучению их пространственного сочетания и взаимодействия. Теперь, когда материалы накопились уже достаточно, такой переход был бы более чем своевременным.

Н. Баранский

Хозяйство Украины, №№ 1, 2, 3, 4 за 1928 г. Харьков.

Последние номера журнала по характеру и содержанию являются особенно интересными. Рецензируемые номера содержат ряд статей как теоретических, так и практического характера, но имеющих глубоко принципиальное значение.

Интересна статья Рывкинда о хозяйственной обстановке (кн. 1), рисующая конъюнктуру, сопровождающую переходы на более высокую ступень хозяйства Украины. Представляет интерес попытка автора вычислить наперед ожидаемый ход хлебозаготовок, опираясь на довоенные и другие данные.

Тов. Киселев в статье „Особенности советского народного хозяйства и задачи экономического анализа“ (кн. 1) затрагивает не новую, но важную проблему об особенностях советского хозяйства. Тов. Киселев делает ряд правильных замечаний, некоторые из них, правда, элементарно известны. Тов. Киселев прослеживает особенности в области производства, обмена, распределения, в характере цены. Но как только дело доходит до кредита, то тут оказывается, что в области кредита у нас нет принципиальных особенностей. Кредит и является как-раз таким оселком, на отношении к которому и обнаруживается степень „советизма“ в научном анализе. Кредит является самой тонкой надстройкой, которая в концентрированном и абстрактном виде отражает тип производственных отношений. Тов. Киселеву, как специалисту по кредитной конъюнктуре, надо было задуматься над вопросом, не является ли организационное

„раздумье“ нашей кредитной системы следствием противоречия между тем обстоятельством, что кредит еще не сказал своего последнего слова в такой стране, как СССР, а с другой, именно благодаря особенностям нашей социально-экономической структуры, социальное содержание кредита уже начинает выдыхаться и его „принципиальная роль“ начинает принимать более техническое значение, идя по пути сближения в практике кредита с бюджетом.

Несколько упростил автор вопрос о природе цены, не связав его с вопросом о характере категории стоимости у нас.

Говоря об особенностях советского хозяйства, тов. Киселев ни словом не упоминает о монопольной цене. Там же, где тов. Киселев говорит об особенностях капитализма, у него теории еще меньше. Так, например, он говорит, что „толчком для развития процесса расширенного производства служит накопление свободного оборотного капитала, вследствие отставания потребления широких, трудовых слоев населения от производства. Простекающие отсюда (!) падение процента на капитал и приостановка доходов правящего класса требуют нахождения нового применения“. Это в лучшем случае конъюнктурное описание, а не вскрытие причины. Практически его статистический (графический) метод привел к тому, что бурный по своим восходящим темпам (40—50% прироста по разным показателям) 1925/26 год дает у автора умеренно-повышательную кривую; где же тут решение задачи экономического анализа особенностей советского народного хозяйства? Целый ряд мест в статье (рассуждение о воспроизводстве и накоплении и проч.) свидетельствует, что автор не различает четко понятий частного и общественного капитала, последовательно-социалистический и госкапиталистический тип предприятий и т. д.

Огромной важности вопрос „о едином финансовом плане“ поднимает статья Шафир (кн. 1). Как известно, задача построения единого финансового плана народного хозяйства включена в программу госплановских работ. В центре проблемы построения единого финансового плана автором правильно положена идея распределения народного дохода. Но неправильно именно для финплана составление его по методу соединения (хотя бы и „органического“) планов разных отраслей. Здесь опасность неуловления межотраслевых связей и повторных счетов особенно велика. Вызывает недоумение выражение: „цены в конечном счете определяют размер валовой продукции всего народного хозяйства“. Если и определяют, то как-раз не валовой продукции, а товарной, притом обычно не всего народного хозяйства, а той сферы, где легче переходы капитала и труда из одной отрасли в другую, как, например, в сельском хозяйстве (зерновые и технические культуры и т. д.).

При всей важности промфинплана автор все же чересчур апологетически относится к нему, говоря „что финплан является антиподом финансового капитала“ и т. д. Мы можем непосредственно руководить процессом производства, раз национализировали промышленность. Управлять ею по „реннеровски“ (К. Реннер, „Теория капиталистического хозяйства“) через процесс обращения (тончайшей частью которой является кредитный аппарат) не имеет никакого практического смысла и нецелесообразно с теоретической и политической точки зрения. В общем же автор содействует решению этой сложной методологической задачи в правильном направлении.

М. Персиц